

КРАЕУГОЛЬНЫЙ КАМЕНЬ

Археология, история, искусство, культура
России и сопредельных стран

ТОМ I

2010

RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES
INSTITUTE OF THE HISTORY OF MATERIAL CULTURE

CORNER- STONE

Archeology, history, arts and culture
of Russia and its neighbours

VOLUME I

*Dedicated
to Anatolij Nikolaevich Kirpichnikov's
80th birthday anniversary*

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ ИСТОРИИ МАТЕРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ

КРАЕУГОЛЬНЫЙ КАМЕНЬ

Археология, история, искусство, культура
России и сопредельных стран

ТОМ I

*80-летию со дня рождения
Анатолия Николаевича Кирпичникова
посвящается*

УДК 902
ББК 63.4(2)
К78

Ответственные редакторы:

Е. Н. Носов, С. В. Белецкий

Редколлегия:

Т. Н. Джаксон, М. М. Казанский, А. Е. Мусин,
А. И. Сакса, Н. В. Хвоцинская

Краеугольный камень. Археология, история, искусство, культура России
К78 и сопредельных стран. В 2 т. Т. 1 / Под ред. Е. Н. Носова, С. В. Белецкого. — М. :
Ломоносовъ, 2010. — 560 с. : ил. — 500 экз.

ISBN 978-5-91678-038-3 (т. 1)

Сборник научных статей «Краеугольный камень. Археология, история, искусство, культура России и сопредельных стран», подготовленный к изданию Институтом истории материальной культуры Российской Академии наук, посвящен 80-летию заведующего Отделом славяно-финской археологии института, доктора исторических наук, профессора, заслуженного работника культуры РФ Анатолия Николаевича Кирпичникова. В сборнике представлены статьи, подготовленные ведущими историками и археологами из России, Беларуси, Германии, Латвии, Молдовы, Норвегии, Польши, Украины, Франции и Швеции. В большинстве этих статей впервые вводятся в научный оборот результаты новейших открытий в изучении средневековой археологии и истории европейских стран. Статьи иллюстрированы фотографиями, рисунками и картами.

Сборник рассчитан на историков, археологов, филологов, а также на широкий круг читателей, интересующихся историческим прошлым России и сопредельных стран.

УДК 902
ББК 63.4(2)

ISBN 978-5-91678-038-3 (т. 1)
ISBN 978-5-91678-040-6

© ООО «Издательство «Ломоносовъ», 2010

НАХОДКИ ДЕТАЛЕЙ СЛОЖНОСОСТАВНОГО ЛУКА НА ТЕРРИТОРИИ ДРЕВНЕЙ РУСИ И ИХ КУЛЬТУРНАЯ АТРИБУЦИЯ

Обобщающие своды древнерусского оружия, так же как и ряд отдельных статей А. Н. Кирпичникова, очевидно продемонстрировали полиэтничность комплекса вооружения Древней Руси, где «несходство и разнообразие в составе и подборе вооружения были... разительными и контрастными» (Кирпичников 1977: 159–173; Кирпичников, Медведев 1985: 320–321). «Западное» и «восточное» влияния, взаимодействуя с местной традицией, слились, трансформировались и привели к созданию оригинальной русской оружейной культуры.

В настоящее время накопление новых материалов и появление новых исследований позволяют более подробно осветить проникновение ряда новаций в формирующийся древнерусский комплекс вооружения. В данной статье речь пойдет о сложносоставных луках — грозном оружии средневековых кочевников.

Большинство средневековых народов использовали сложносоставные рефлексирующие луки, которые состояли из нескольких основных деталей — *рукояти* (середина лука), *концов* или *рогов* (концы лука) и *плечей* (часть лука между рукоятью и концами). Для придания жесткости и увеличения упру-

гости *кибить* — деревянная основа лука — снабжалась костяными накладками, которые по местоположению разделяются на срединные и концевые, которые в свою очередь могут разделяться на фронтальные, боковые и тыльные.

К изучению сложносоставных луков обращались многие исследователи, которые как публиковали отдельные находки, так и пытались проследить пути эволюции этого оружия от Центральной Азии до Восточной Европы (Литвинский 1966; Хазанов 1966; 1971; Каминский 1982; Измайлов 1993; 1997; 1998; Савинов 1981; Худяков 1980; 1986; 1991; 1993; 1997; Флерова 2000; 2001 и др). Новый подход к изучению остатков средневековых луков использовали ленинградские исследователи А. И. Семенов и А. М. Савин. Они разработали типологию сложносоставных луков (рис. 1), которая опиралась на исследования венгерского этнографа К. Шебештьена (Sebestyén 1930; 1932)¹. Эта типология построена на особенностях технологии изготовления накладок на лук и способе

¹ Авторы с искренней благодарностью вспоминают консультации и помощь А. И. Семенова, которые он оказал во время подготовки этой работы. Также мы хотим поблагодарить А. И. Семенова и А. М. Савина за разрешение опубликовать их авторский рисунок-реконструкцию концевых накладок лука из могильника «в Березках».

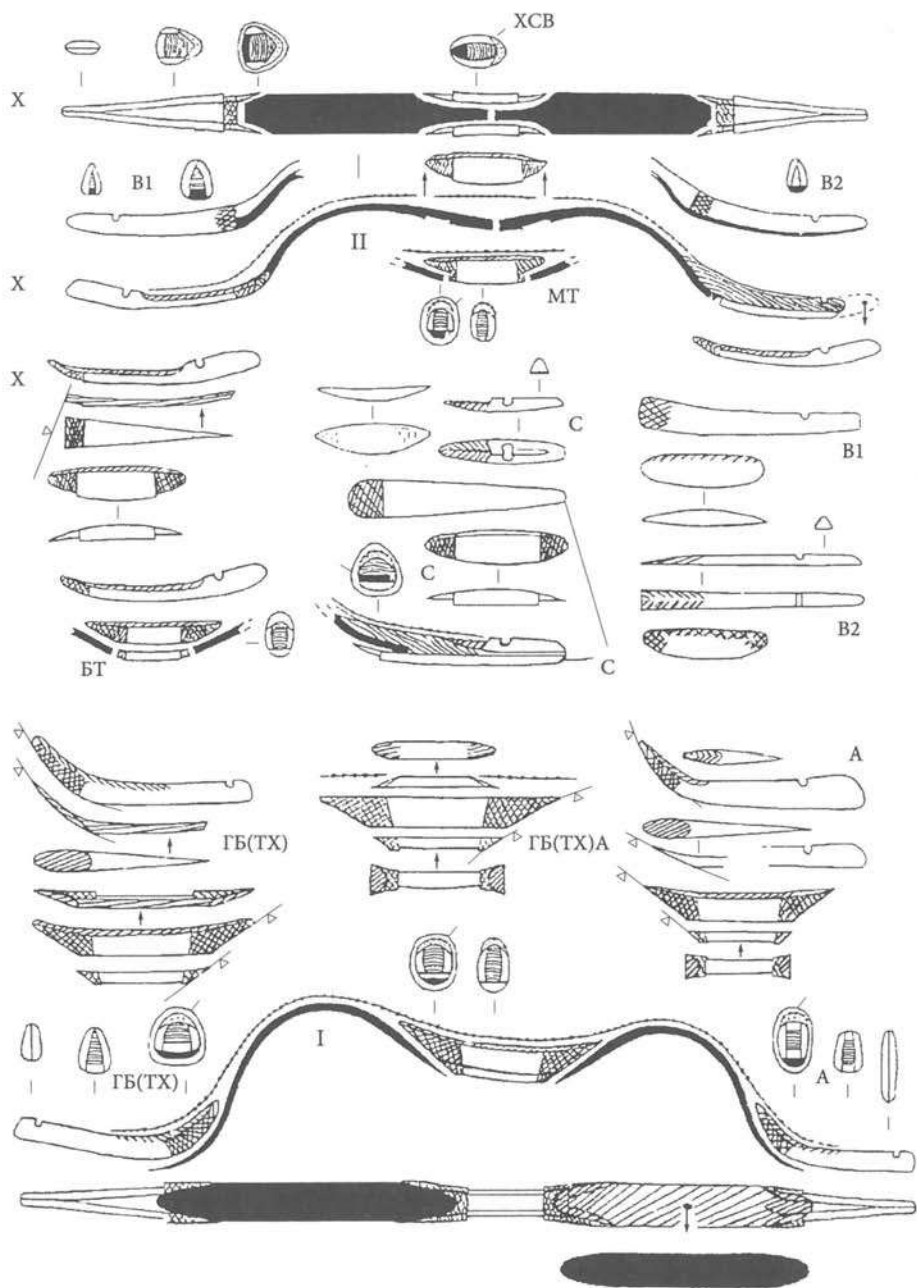

Рис. 1. Технологические линии развития раннесредневековых сложносоставных луков Восточной Европы:

I — «гунно-болгаро-аварская» («тюрко-хазарская», по Е. В. Круглову) линия. Способы и схемы сборки: А — «аварский» тип; ГБ — «гунно-болгарский» («тюрко-хазарский», по Е. В. Круглову) тип; II — «хазаро-салтово-венгерская» линия. Способы и схемы сборки: X — «хазарский» тип; С — «салтовский» тип; В — «венгерский» тип, варианты 1 и 2; БТ — лук из Боротала; МТ — лук из Монгун-Тайги (Савин, Семенов 1997: 42, рис. 3; Круглов 2005а: 100–101, рис. 2)

их крепления к кибиту. По мнению исследователей, в Восточной Европе выделяется несколько технологических вариантов степных сложносоставных луков, которые они объединили в две основные обособленные группы: гунно-болгарскую и хазаро-салтовскую. Эти группы имеют различные периоды бытования и свои географические зоны распространения (Савин, Семенов 1989; 1990; 1991; 1992а; 1992б; 1992в; 1995; 1997; 1998; 1999; Семенов 1996). В последние годы направление исследований А. И. Семенова и А. М. Савина получило свое продолжение в работах Е. В. Круглова (Круглов 2005а: 307–320; Круглов 2005б: 73–142). Он опубликовал значительную часть из 150 находок раннесредневековых луков Восточной Европы и предложил свой вариант типологии конструктивно-технологических вариантов раннесредневековых луков. Е. В. Круглов подверг критике тезис А. И. Семенова и А. М. Савина об обособленности «гунно-болгарской» и «хазарской» технологических групп. По его мнению, развитие сложносоставного лука в Восточной Европе второй половины VII–VIII вв. имело «непрерывный эволюционный характер». Смена технологий изготовления и крепления к кибиту роговых накладок произошла на рубеже VII–VIII вв. и была вызвана «необходимостью адаптации оружия к климатическим реалиям Восточной Европы» и столкновениями с противником, защищенным доспехом. Также автор подчеркивает, что сложносоставной лук на территории Восточной Европы «какой-либо четко выраженной связи с каким-то одним конкретным этносом не обнаруживает» (Круглов 2005а: 317; Круглов 2005б: 99). За одним-един-

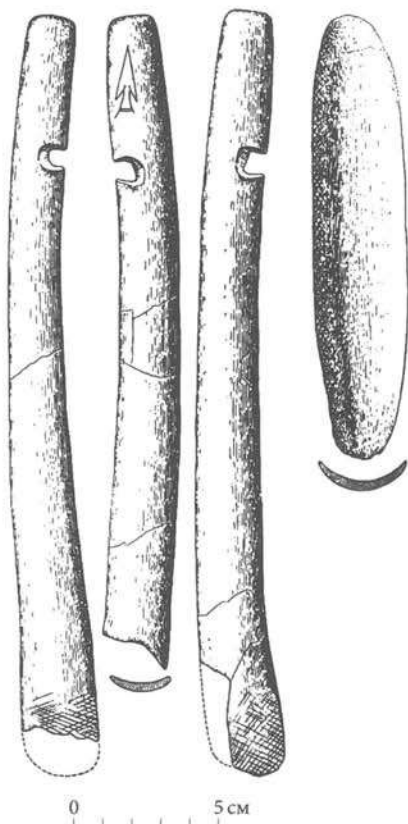

Рис. 2. Накладки на лук из кургана № 110 Шестовицкого могильника (Медведев 1966: 125, Табл. 5)

ственным исключением, за пределами этих обобщающих работ остались находки на древнерусских памятниках, которые были хорошо известны к этому времени.

Первым детали сложносоставных луков на территории Древней Руси собрал и аннотировал А. Ф. Медведев (Медведев 1966: 37–38). По его мнению, к периоду IX–X вв. относятся обломки костяных накладок из девяти древнерусских комплексов:

1–5. Обломки боковых накладок на рукоять из курганов № 47, 85, 290, 355, 365 могильника Тимерево;

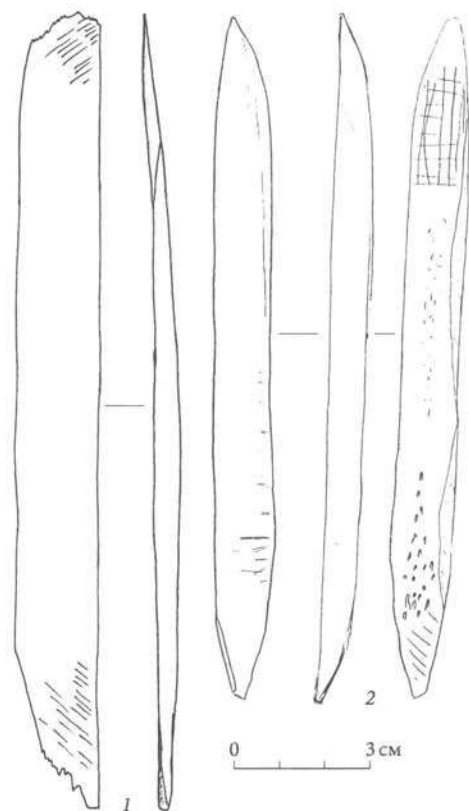

Рис. 3. Накладки на лук из Старой Ладоги (1) и Бирки (2)

6. Обломок боковой накладки на рукоять из кургана № 38 могильника Петровское;

7–8. Наборы из четырех концевых накладок и двух боковых накладок на рукоять из курганов № 42 и 110 могильника Шестовицы (рис. 2);

² Вторая боковая срединная накладка из слоя Староладожского Земляного городища была найдена в 1911 г. при раскопках Н. И. Репникова в отложениях, где преобладали вещи XI–XIII вв. (Давидан 1966: 110, рис. 6, 7).

³ А. И. Семенов и А. М. Савин на основании анализа срезов тыльного края боковых накладок предположили, что лук «венгерского» типа из шестовицкого кургана № 42 был снабжен тыльными концевыми накладками, изготовленными из не-

9. Боковая срединная накладка на рукоять (рис. 3, 1) из Старой Ладоги (17,7×1,8×0,6 см; см.: Давидан 1966: 110, рис. 3, 12)².

Впоследствии находки из шестовицкого могильника заново рассмотрели А. И. Семенов и А. М. Савин. Они отнесли костяные накладки из комплексов № 42 и 110 к технологической группе сложносоставных луков «венгерского» круга (Семенов, Савин 1998)³.

За прошедшие, после написания работы А. Ф. Медведева, сорок лет во время раскопок на ранних древнерусских памятниках был сделан еще ряд находок, которые связаны с остатками сложносоставных луков. Но главное, благодаря разработанным технологически-конструктивным типологиям К. Шебештьена, А. М. Савина и А. И. Семенова, а также Е. В. Круглова разрозненные древнерусские находки удалось включить в общую систему развития сложносоставного лука в Восточной Европе. К неучтенным предыдущими исследователями деталям луков мы отнесли:

10–11. Обломки боковых накладок на рукоять из кургана № 5 и 433 могильника Тимерево (Недошивина 1991: 169);

12–13. Обломки концевых накладок⁴ из курганов Ц-251 и Ц-255 могильника Гнездово⁵ (рис. 4);

14. Обломки двух концевых накладок (рис. 5) из кургана № 15 могильника

сохраняющегося бычьего рога (Савин, Семенов 1992б: 205).

⁴ Скорее всего, в кургане Ц-255 были обнаружены и фрагменты срединных накладок, но крайне плохая сохранность органики и фрагментарность сохранившихся деталей позволяют достоверно выделить только обломок одной боковой концевой накладки.

⁵ Благодарим Т. А. Пушкину за возможность воспользоваться неопубликованными материалами раскопок Гнездовского могильника.

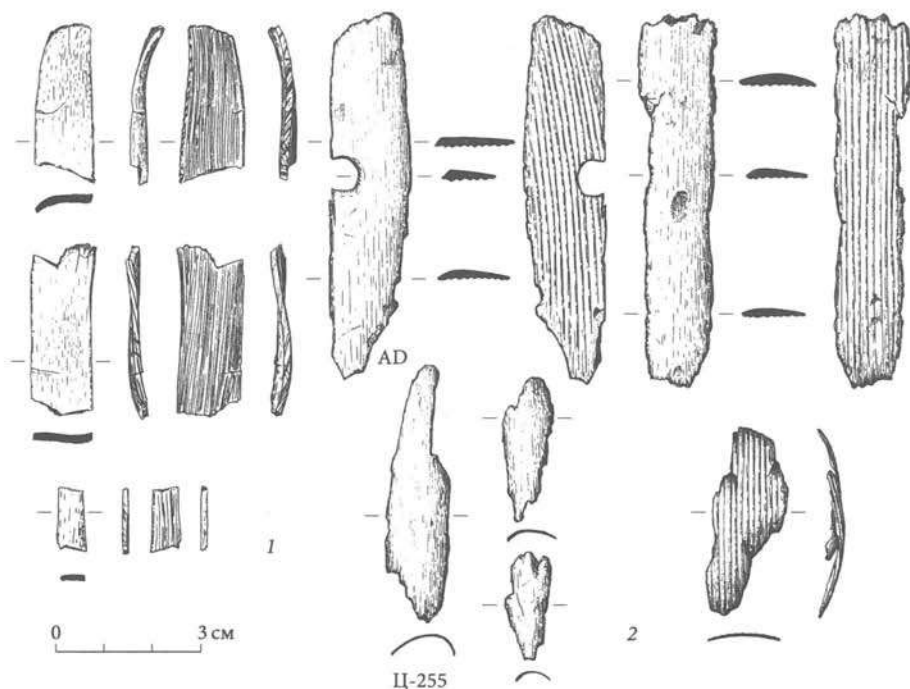

Рис. 4. Накладки на лук из курганов Гнездовского могильника Ц-251 (1) и Ц-255 (2).
Рисунок А. Деметьевой

на старом кладбище «в Березках» в Чернигове (Бліфельд 1965: табл. III, 12);

15. Обломок накладки из кургана № 40 могильника Шестовицы (Бліфельд 1977: 198, табл. IX, 8). Фрагментарность находки не позволяет однозначно определить принадлежность обломка концевой или серединной накладкам⁶.

16⁷. Обломок концевой накладки (рис. 6) из слоя Новгородского (Рюрика) городища под Новгородом (11×2 см)⁸.

К сожалению, фрагментарность большинства накладок и их «некомплектность» не позволяют во всех случаях соотнести лук с тем или иным типом в типологии «Савина — Семенова». Однозначно к «венгерскому» типу относятся накладки из курганов № 42 и 110 могильника Шестовицы, а также накладки из кургана № 15 могильника на старом кладбище «в Березках» в Чернигове (Савин, Семенов 1998). К тому же типу лука, очевидно, следует отнести

⁶ Исходя из сохранившейся ширины фрагмента (более 2 см), он принадлежал серединной накладке.

⁷ М. К. Каргер упоминает находки луков в погребениях № 105 и 115 Киевского могильника (Каргер 1958: 167, 188). Более подробной информации об этих луках найти не удалось. Обломки орнаментированных костяных изделий, найденных в кургане Гульбище и определенных Б. А. Рыбаковым как обломки накладок на лук, на самом деле являются

обломками роговых псалиев от удил типа Ів, по типологии А. Н. Кирпичникова (Рыбаков 1949: 36–37, рис. 11).

⁸ Благодарим Е. Н. Носова за возможность воспользоваться неопубликованными материалами раскопок. Находка на Рюриковом городище была сделана на северном берегу Сиверсова канала в раскопе на месте древнего рва в 1999 г. (№ полевой описи: НОЭ-99/РГ-СБ, № 272).

обломки накладок из курганов Ц-251 и Ц-255 Гнездова, а также обломок концевой накладки, найденной на Новгородском городище.

В семи случаях находки деталей сложносоставных луков были зафиксированы в могильниках Ярославского Поволжья — Тимерево (6) и Петровское (1). Все они происходят из по-

гребений по обряду сожжения и, что важно, представлены исключительно целыми и фрагментами боковых срединных обкладок рукоятей. Отсутствие концевых накладок во всех погребениях сложно объяснить только лишь разрушительным воздействием погребального костра. По всей видимости, большая часть луков, найденных

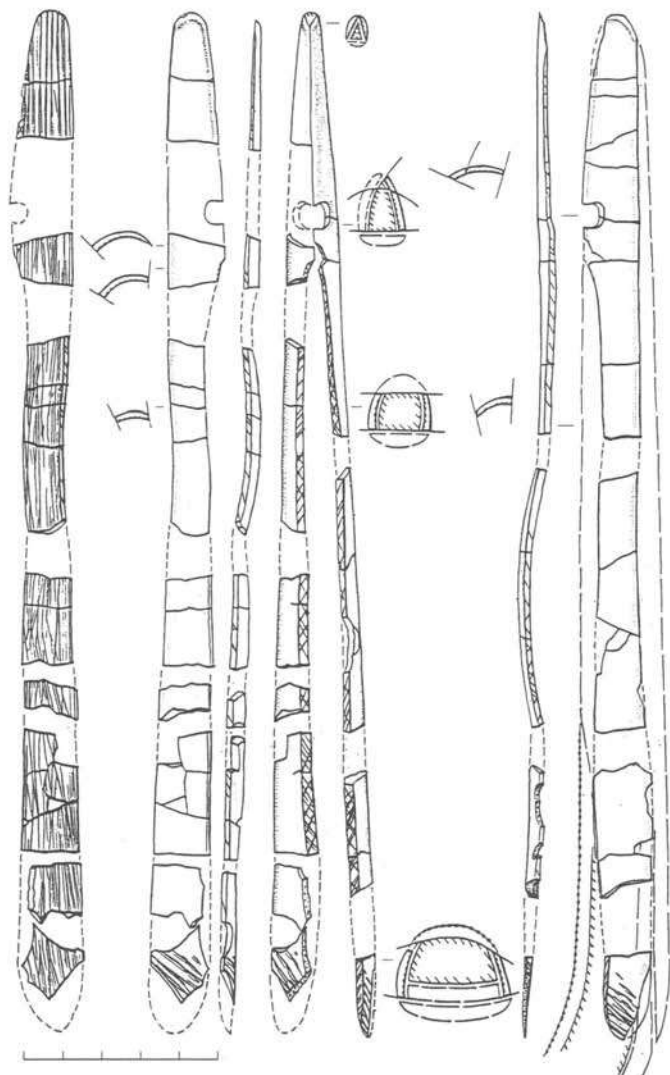

Рис. 5. Накладки на лук из кургана № 15 могильника на старом кладбище «в Березках» в Чернигове. Реконструкция А. И. Семенова

в ярославских могильниках, относится к «печенежскому» типу сложносоставного лука, также входящего в «хазаро-салтово-венгерскую» группу луков по типологии «Савина — Семенова»⁹. И. Л. Измайлов, вслед за Д. Г. Савиным, предлагает называть сложносоставные луки, усиленные только двумя срединными боковыми накладками «вытянуто овальной формы с зауженными концами», луками «тюркского» типа. Луки этого типа проникают в Поволжье из районов Центральной Азии и Южного Приуралья и широко распространяются со второй половины VIII по X в. (Измайлов 1998: 244–247, 250–251). По мнению некоторых оружейников, такой лук был более приспособлен, чем его предшественники, для стрельбы на ближние дистанции и был более надежен в употреблении (Худяков 1980: 74). Отсутствие в этих комплексах концевых боковых накладок из рога могло быть связано с тем, что они изготавливались из несохраняющихся материалов. Например, их могли сделать из мягкого бычьего или турьего рога¹⁰.

Таким образом, все определимые детали самых ранних сложносоставных древнерусских луков относятся к двум конструктивным типам — «венгерскому» (по типологии «Савина — Семенова») и «печенежскому» (по типологии «Савина — Семенова») или «тюркскому» (по И. Л. Измайлову). Стоит отметить, что сложносоставные луки

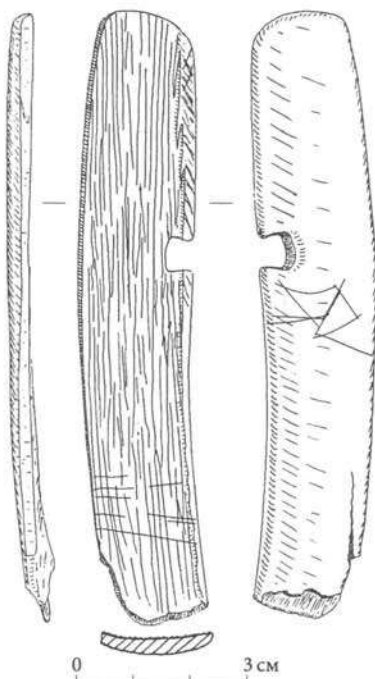

Рис. 6. Накладка на лук из слоя Рюрика городского

«тюркского» типа встречены только в Ярославском Поволжье. Для памятников Поднепровья и Северо-Западной Руси характерны находки пластин от лука «венгерской» технологии. Убедительное объяснение этому факту пока предложить сложно. Возможно, что на формирование воинской субкультуры населения древнерусских памятников, где были обнаружены сложносоставные луки, оказали влияние контакты с разными этническими группами кочевников.

Из этого ряда выпадает находка боковой срединной накладки из Старой Ладogi (15,3×1,3×0,8 см), которая, по мнению А. И. Семенова, была изготовлена местным мастером, не слишком хорошо знакомым с образцами степных луков (Давидан 1966: 110,

⁹ «Печенежский» тип фигурирует в статье 1992 г. (Савин, Семенов 1992в: рис. 1), в более поздних типологических таблицах, представленных в работах А. И. Семенова и А. М. Савина, этот тип отсутствует.

¹⁰ А. М. Савин и А. И. Семенов считали эту особенность характерной для наиболее ранних вариантов луков II технологии (Савин, Семенов 1999: 27).

рис. 3, 12)¹¹. находка оказалась не единичной. На известном скандинавском поселении эпохи викингов в Бирке (Средняя Швеция) была найдена аналогичная пластина (рис. 3, 2), изготовленная из кости (15,1×1,4 см)¹². Внутренняя сторона пластин из Бирки и Ладоги, предназначенная для приклеивания к кибити, была выровнена и отполирована. На концы пластин острым предметом были нанесены штрихи в виде перекрещивающихся линий.

Находки срединных боковых пластин из Бирки и Старой Ладоги являются редкими свидетельствами попыток ремонта или изготовления сложносоставных луков далеко за пределами регионов их распространения. Судя по несколько искаженным пропорциям этих пластин, они могли быть сделаны мастером, который не специализировался на изготовлении накладок на лук¹³.

Помимо сложносоставных луков на территории Древней Руси найдены и другие характерные предметы снаряжения средневекового конного лучника.

Значительно меньшее место по сравнению с луком в исследованиях уделено

¹¹ В сравнении с другими накладками она казалась немного уже и толще.

¹² находка из Бирки происходит из раскопок Х. Столле на месте поселения Сварта Йорден (Черная Земля). Предмет хранится в Национальном историческом музее в Стокгольме. Шифр хранения: 5208: 1442. Этот предмет до сих пор не был атрибутирован и опубликован. Авторы хотят поблагодарить администрацию археологического отдела музея и лично И. Янсона за возможность ознакомиться с находкой.

¹³ Присутствие во второй половине X в. восточноевропейских лучников в Бирке недавно нашло подтверждение в материалах новых раскопок места под названием «Гарнизон». Среди остатков жилой постройки были найдены характерные «восточные» типы стрел, железное кольцо для натягивания тетивы и железные фрагменты оковок колчанов «венгерского» типа (Lundström 2006).

предмету, непосредственно не относящемуся к сложносоставному луку, но являвшемуся его характерным спутником. Речь идет о налучьях. Налучья — это футляры для ношения лука. Они предназначались для хранения сложносоставного лука в ситуациях, не предусматривающих его непосредственное применение. Они предохраняли лук от воздействия природной среды и механических повреждений. По конструкции и назначению можно выделить два типа налучий: жесткие и мягкие. Жесткие налучья изготавливались из твердой кожи и иногда украшались бляшками. В жестких налучьях луки хранили в натянутом положении, что определяло форму этих футляров. Мягкие налучья представляли собой длинные футляры из мягкого материала (материи или кожи). В них помещали лук со снятой тетивой. На концах мягких налучий иногда крепились костяные накладки, которые служили для более удобной фиксации отверстия чехла (рис. 7, 2). Если мягкие налучья служили для хранения луков в ненапрянутом положении, то жесткие позволяли хранить лук в натянутом — боевом положении.

Сведения о различных типах налучий и находках отдельных деталей таких футляров в степях Восточной Европы собраны в работах А. В. Крыганова и В. Е. Флеровой (Крыганов 1996: 344–352; Флерова 2000; 2001: 45–56). В древнерусских материалах, датируемых X в., известны детали от обоих типов налучий. Мягкие налучья фиксируются по находкам парных чаще всего плоских костяных или роговых пластин, крепившихся на устье мягкого чехла, изготовленного из кожи. Эта деталь

(рис. 7, 1) в X в., по-видимому, наиболее характерна для венгерских памятников (Sebestyén 1932; László 1955: 111–122).

Полный набор пластин на мягкое налучье сохранился в кургане № 110 Шестовицкого могильника (рис. 8, 1). Пластины, изготовленные из кости, имеют продолговатую форму, оба конца закруглены и развернуты в разные стороны. Один конец пластины сбоку имеет выступ. Размеры — длина 17,5 см и ширина 4 см. На обоих концах пластины расположено по два отверстия (Бліфельд 1977: табл. XXXI, 1–2). Близкие аналогии шестовицким пластинам происходят из венгерских могильников. Например, подобные пластины найдены в могильниках Kenézlő II и Tiszaeszlár в Венгрии (Sebestyén 1932; The Ancient Hungarians 1996: 154–155, № 11, 157, № 15, 194, № 2–3). Несколько пластин от мягких налучий известно на территории Дунайской Болгарии, где они найдены при изучении дворцового комплекса в Плиске, селища Одерцы и в слое Дерестра (Йотов 2004: 20, табл. IV, 29–31). Болгарские находки датируются X в. Но они могут оказаться следами венгерских набегов на Балканы, а не частью снаряжения лучника эпохи I Болгарского царства.

Возможно, что обломки костяных пластин от мягкого налучья найдены в кургане № 15 могильника на старом кладбище «в Березках» в Чернигове и черниговском кургане Гульбище (рис. 8, 2), где сохранилось значительное число орнаментированных костяных деталей¹³ (Бліфельд 1965: табл. III).

¹³ Предмет, предположительно определяемый нами как обломок пластины от мягкого налучья, хранится в Государственном Историческом музее (Опись 1540/47).

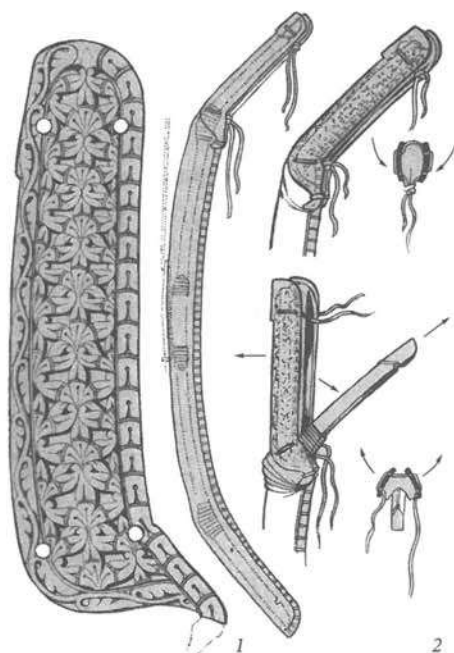

Рис. 7. 1 — накладка на мягкое налучье из Kenézlő, погр. 39 (László 1955: 111, fig. 16, XXVI. T. 1–2, XXVII. T. 1–2); 2 — реконструкция расположения и применения накладок на мягкое налучье (László 1955: 112, fig. 16)

Помимо мягких на территории Древней Руси могли бытовать и жесткие налучья. Это предположение основано на находках бляшек характерной «крыло-видной» формы с прорезью для ремня. Точно такие бляшки, обнаруженные в погребениях по обряду трупоположения, венгерские археологи относят к деталям подвеса жестких налучий (Révész 1992). Подробная полевая фиксация находок позволила сделать реконструкции внешнего вида венгерских жестких налучий (рис. 9, 2). Стоит заметить, что в венгерской литературе есть предположение, что в ряде случаев похожие бляхи служат и для подвеса к поясу и других предметов (The Ancient Hungarians 1996: 372).

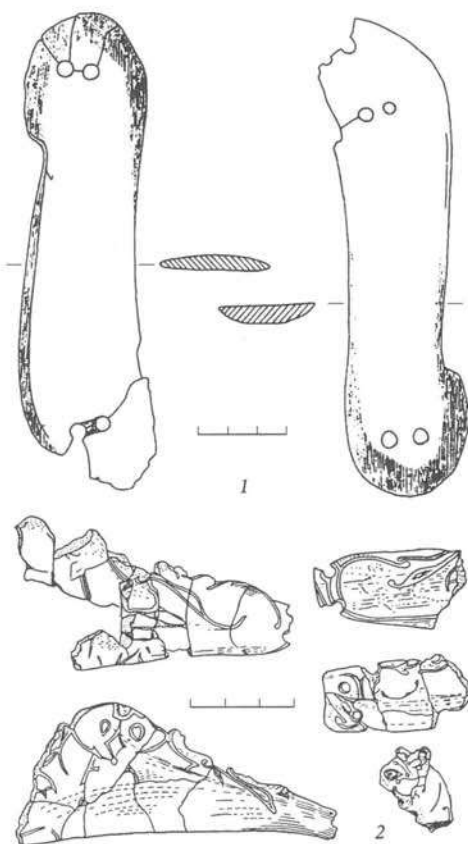

Рис. 8. Накладки на мягкое налучье:

1 — курган № 100 Шестовицкого могильника (Черненко 2007: рис. 45, 1, 2); 2 — курган № 15 могильника на старом кладбище «в Березках» в Чернигове (Блифельд 1965: табл. III)

На территории Древней Руси бляхи крыловидной формы предположительно от жесткого налучья были обнаружены археологами в трех киевских погребальных камерах: в погребении № 109 под апсидами и погребении № 113 в нефе Десятинной церкви, а также в погребальной камере около церкви Александра Невского на Большой Житомирской улице. Еще одна крыловидная бляха (рис. 10) найдена в погребении по обряду трупосожжения в кургане Ц-253 могильника Гнездово (Каргер

1956: 25, 29; Movtjan 2004: 54–55). Расположение и комплектность этих блях остались неясны современным исследователям.

Полных аналогий древнерусским бляхам найти не удалось. Похожие подвесные бляхи происходят из венгерских могильников Карош/Карос II и Kenézlő I и из числа аматорских сборов на территории Северо-Восточной Болгарии (The Ancient Hungarians 1996: 100, fig. 32, 153, fig. 3; Йотов 2004: 31–33, табл. XXVI. 390–396)¹⁴.

Новацией X в. следует считать появление в древнерусском комплексе вооружения колчана полуцилиндрической формы, снабженного металлическими деталями — оковками днища (иногда и горловины) и подвесными петлями (Медведев 1966: 21). Подобные колчаны найдены, по меньшей мере, в 25 древнерусских погребениях X в. (Гнездово — 9, Тимерево — 5, Михайловское — 1, Петровское — 1, Шестовицы — 4, Чернигов — 2, Киев — 2, Табаевка — 1) и в культурном слое трех памятников — Новгороде, Гнездове и Шестовицах (Медведев 1966: 41–42; Коваленко, Моця, Ситий, Скороход 2008: 184, рис. 7, 6)¹⁵.

Вследствие плохой сохранности и в ряде случаев недостаточно точной фиксации взаиморасположения дета-

¹⁴ «Крыловидные» бляхи известны в погребениях Танкеевского могильника IX–X вв. и материалах Билярского городища (Казаков 1992: 143, рис. 53, 14–16; 215, рис. 79, 32–33). Также подобная бляха встречена в Змейском катакомбном могильнике, датируемом XI–XII вв. (Кузнецов 1968: табл. XI, 3)

¹⁵ Пользуемся случаем поблагодарить С. С. Зозулю за предоставленную возможность ознакомиться с рукописью дипломной работы «Предметы вооружения Ярославского Поволжья X–XI вв.» (М. 2007).

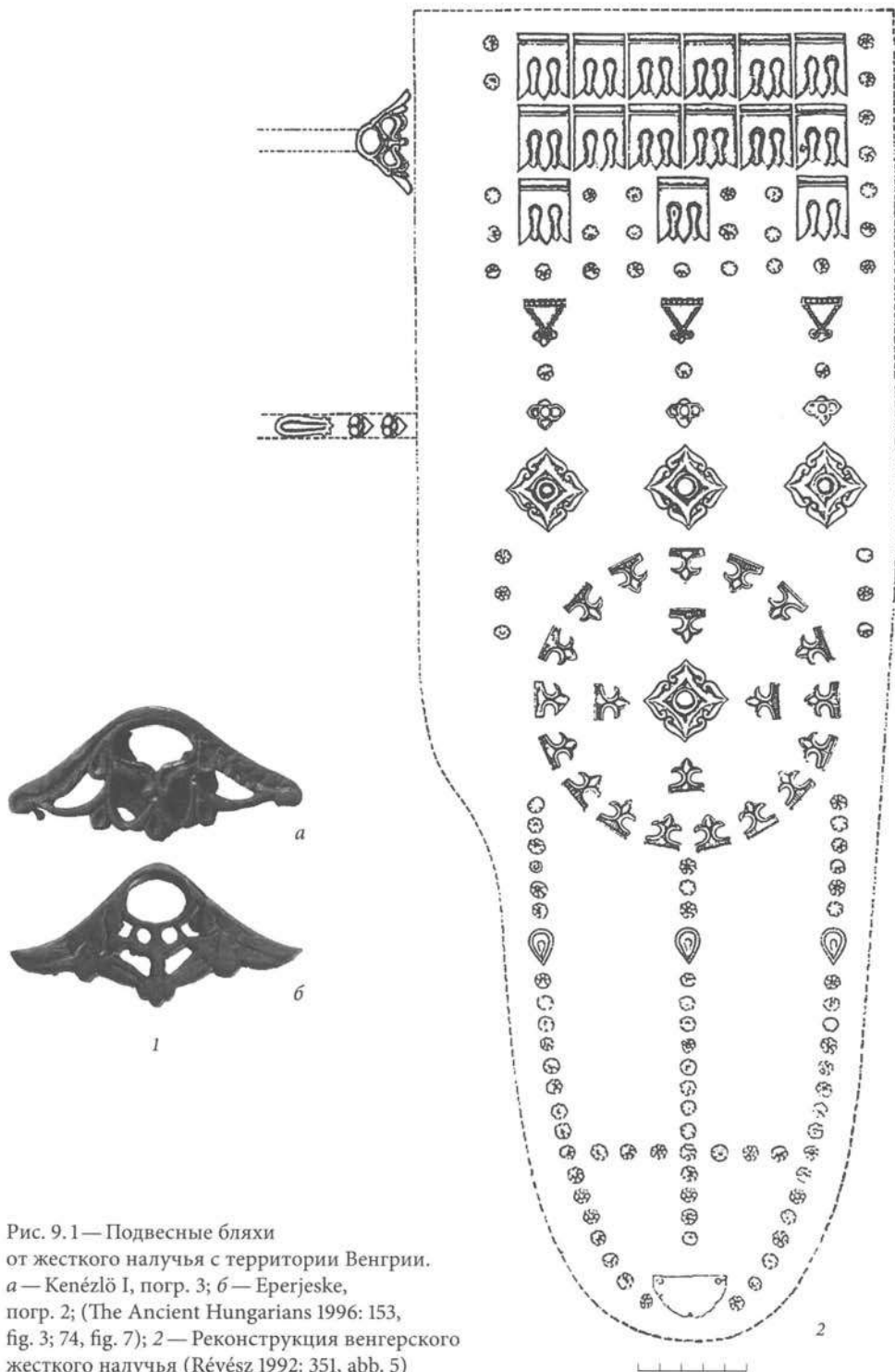

Рис. 9.1—Подвесные бляхи от жесткого налучья с территории Венгрии. *a* — Kenézlő I, погр. 3; *б* — Eperjeske, погр. 2; (The Ancient Hungarians 1996: 153, fig. 3; 74, fig. 7); 2— Реконструкция венгерского жесткого налучья (Révész 1992: 351, abb. 5)

лей реконструировать в полной мере древнерусский колчан пока не представляется возможным. Полные аналогии (рис. 11) металлическим деталям древнерусских колчанов можно найти в венгерском материале (Révész 1985: 50–53, Taf. I–VI; The Ancient Hungarian 1996: 277, fig. 1,2, 308, fig. 2). Интересно заметить, что за пределами Древней Руси и Венгрии колчан с железными оковками и бляха-подвеска «крыловидной» формы для крепления налучья от сложносоставного лука происходят из погребения № 1125В шведского могильника Бирка (Arbman 1943: Abb. 465).

Большинство деталей сложносоставных луков, налучий, и колчанов происходит из погребений, и только один обломок боковой концевой накладки на лук, одна срединная накладка и несколько деталей колчанов происходят из слоев поселения. Основное количество обозначенных деталей происходит из погребений по обряду трупопожжения могильников Тимерево и Михайловское, и только в трех случаях (Гнездово Ц-255 и Шестовица № № 42, 110) сложносоставные луки и мягкие налучья (Шестовица, курган 110) происходят из погребений по обряду трупоположения. Почти во всех случаях,

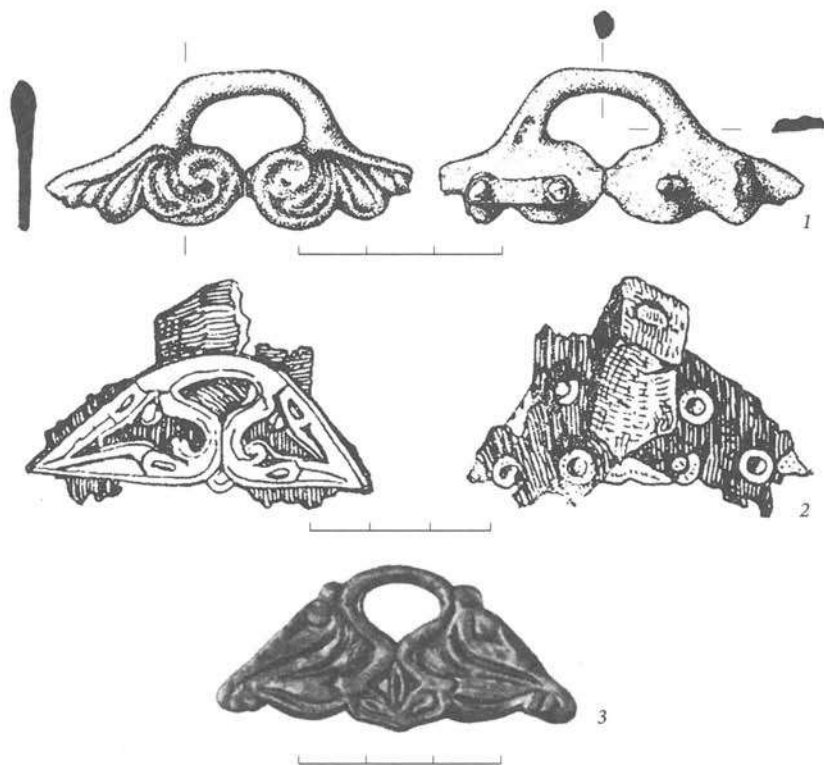

Рис. 10. Подвесные бляхи от жесткого налучья с территории Древней Руси:

1 — Гнездовский могильник, курган Ц-253; 2 — Киевский могильник, погребение № 113;

3 — Киевский могильник, погребение № 109 (Каргер 1958: 181, рис. 25; 29, 175)

когда среди погребального инвентаря зафиксировано нахождение накладок на мягкое налучье, по-видимому, рядом с ними присутствовали детали сложносоставного лука. Наиболее полный набор снаряжения конного лучника найден в кургане 110 Шестовицкого могильника. Здесь представлены сложносоставной лук, мягкое налучье, колчан с металлическими деталями и так называемый саадачный пояс, к которому крепились налучье и колчан¹⁶.

В настоящее время ряд новых находок позволяет уточнить дату появления сложносоставного лука на территории Древней Руси. Концевая боковая пластина из раскопок на Новгородском (Рюриковом) городище происходит из слоя с лепной и раннегончарной керамикой (Носов, Михайлов, Дорофеева, Янссон 2000: 40–41). Находки из этого слоя аналогичны находкам из горизонта Д Старой Ладogi. Горизонт с органикой, из которого происходит накладка (Носов, Горюнова, Плохов 2005: 89–96), не может датироваться ранее второй четверти X в. и не позднее 979 г. (скорее, середина — третья четверть этого столетия). В погребальной камере кургана № 42 могильника Шестовицы, где найдены остатки лука, был обнаружен меч типа W. Датируя этот тип мечей, Я. Петерсен замечал, что «у нас очень мало материала для разрешения хронологического вопроса». Опираясь на

предложенную им самим датировку наконечников копий типа I первой половины X в., а также орнамента «в елочку», аналогичного, по мнению исследователя, орнаментике одного из мечей типа P, некоторых мечей типа I и наконечников копий типа K, Я. Петерсен относит мечи типа W «прежде всего к первой половине X века», тем самым не исключая и более позднюю датировку (Петерсен 2005: 186). Меч того же типа из погребения № 100 могильника Тимерево найден с монетами конца X в. Они не позволяют датировать экземпляр меча типа W ранее 970–980-х гг. (Недошивина 1991: 166, рис. 1, I; Jansson 1991). Следовательно, мечи этого типа могли иметь в Восточной Европе более длительное бытование, чем в Скандинавии, или же не совсем верна датировка Я. Петерсена. В погребении кургана 42 шестовицкого могильника также нашли роговой гребень II группы с футляром (по классификации О. И. Давидан) и парные костяные пластины, украшенные орнаментом в скандинавском стиле Маммен/Маммен. Самые ранние вещи, декорированные подобным орнаментом, датируются в Скандинавии не ранее 960–970 гг. (Jansson 1991: 284). Скорее всего, погребение было совершено в 960–970-е гг. X в. В камере № 110 могильника Шестовица нашли меч типа V, по классификации Я. Петерсена (Кирпичников 1966: 76, № 68; Бліфельд 1977: 61). На территории Древней Руси найдено 12 мечей этого типа, которые относятся к середине — второй половине X в. (Каинов 1998: 208–209). Не ранее второй — третьей четверти X в. должен датироваться вещевой набор из кургана № 15 на старом кладбище «в Березках» в Чернигове, где вместе с остат-

¹⁶ По мнению Г. В. Кубарева, «классический» саадачный пояс имел в своем составе три тройника и крюк, иногда заменявшийся пряжкой. К подобному поясу с правой стороны при помощи двух тройников подвешивался колчан, а с левой с помощью одного тройника — налучье. Иногда пояс снабжался только двумя тройниками, в этом случае к нему подвешивался только колчан (Кубарев, 2005: 92).

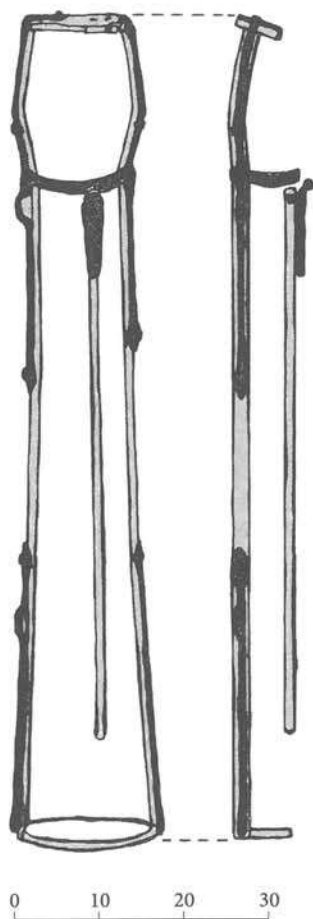

Рис. 11. Реконструкция венгерского колчана (Révész 1985: tabl. V, 2)

ками венгерской сумки-ташки также был найден гребень второй группы (по классификации О. И. Давидан). Боковая накладка на лук из Старой Ладogi отнесена О. И. Давидан к горизонту Д земляного городища в Старой Ладoge, то есть может датироваться 930–960 гг. (Черных 1996: 115). Учитывая, что гончарный круг в Гнездове появился не ранее второй четверти, а что более вероятно — середины X в., сосуды, сделанные на гончарном круге, из курганов Ц-251 и Ц-253 позволяют отнести эти

курганы ко времени не ранее второй — третьей четверти X в. Погребение в кургане Ц-255 оказалось совершенно по обряду труположения в погребальной камере. Исходя из предположения о распространении камерных захоронений в Гнездове начиная с середины X в., комплекс может относиться ко второй половине X в. (Жарнов 1998: 99; Мурашева, Ениосова, Фетисов 2007: 70). В Тимеревском и Петровском могильниках сложносоставные луки найдены в погребениях, датирующихся не ранее второй четверти X в. (Тимерево — № 47, 85; Петровское — № 38)¹⁷.

Таким образом, появление сложносоставного лука (а также другого снаряжения конного лучника) на территории Древней Руси можно отнести ко времени не ранее второй четверти — середины X в.

Культурный контекст находок не связан с кочевническим компонентом в древнерусском погребальном обряде. Напротив, остатки трех сложносоставных луков происходят из погребений в деревянных камерах, обряд которых имеет неоспоримое скандинавское происхождение. Остальные находки происходят из погребений по обряду сожжения. Обряд не имеет прямого отношения к кочевникам, и нельзя точно установить этнос погребенных. Стиль исполнения тамги в виде стрелы на концевой накладке из Шестовицы также, скорее всего, указывает на североευропейскую среду распространения этого оружия. Однако, наряду с предметами скандинавского происхождения, ряд вещей, помещенных с по-

¹⁷ Остальные четыре погребения (№ 5, 290, 355, 365) не содержат узко датируемые предметы.

койными, имеет вполне определенное кочевническое происхождение (копье-пика, топор-чекан, сумка-ташка и серьги в Ц-255, сумка-ташка из кургана № 15 в Чернигове, ременные накладки из шестовицких и гнездовских курганов и др.). По всей видимости, появление и распространение сложносоставных луков и снаряжения конного лучника, а также целого ряда предметов степного вооружения, предметов одежды и аксессуаров следует связывать как с изменениями в тактике боя русов — перенимание навыков верхового боя¹⁸, так и вызванного этим распространения в дружинной среде своего рода «степной» моды.

Целый ряд отечественных археологов считали лук (и сложный лук тоже) оружием «младшей дружины», или рядовых, малообеспеченных воинов (Кирпичников, Медведев 1985: 321). На первый взгляд серия малоинвентарных погребений с деталями сложносоставного лука подтверждает это утверждение (Тимеревский могильник — курганы 5, 290, 355, 365)¹⁹. Но в то же время следует отметить, что погребения с деталями лука из Шестовицы и Гнездова относятся к одним из самых «богатых» инвентарем погребений могильников. Они происходят из погребальных комплексов с набором разнообразного оружия, всадническим снаряжением и погребением коня. Похожая картина наблюдается в Швеции, где в могильниках Вальсърде и Бирка наборы стрел найдены в составе погребального инвентаря самых богатых погребений. Скандинавские исследователи связывают эти находки с высоким статусом погребенных, так как известно, что скандинавские воен-

ные предводители рассылали «ратные» стрелы при сборе ополчения. Свидетельствами того, что лук и стрелы могли быть символами северных правителей, стали находки богато украшенных стрел из королевского погребения в ладе в Хедебю (Германия) и наборов стрел из погребений аристократического могильника Вальсърде в Средней Швеции (Müller-Wille 1976: 80–82, Abb. 35–36). Скандинавские королевские саги сохранили свидетельства о том, что одним из достоинств конунга-викинга Олафа Святого и его сподвижника Эйнара Брюхотряса было то, что они владели искусством метко стрелять из лука (Снорри Стурлуссон: 176). Следовательно, лук и стрелы могут быть и знаком высокого социального статуса в знаковой системе погребального обряда. То, что находки сложносоставных луков связаны с профессиональными воинами, также не вызывает сомнений. О том, что умение пользоваться сложным луком требует серьезной подготовки, сообщают многие средневековые восточные источники. Косвенно принадлежность этих находок профессионалам подтверждает находка на Новгородском

¹⁸ По всей видимости, одна из первых попыток русов попробовать свои силы в сражении верхом на конях была предпринята в битве под Доростолом в 971 г.: «Вышли они (русы), выстроившись в боевой порядок, и тогда в первый раз появились верхом на лошадях, в предшествующих же сражениях бились пешими» (Лев Диакон: 128).

¹⁹ В данном случае мы опять сталкиваемся с различиями в распространении сложносоставных луков у населения, оставившего Ярославские курганы, и населения, проживавшего в Гнездове, Шестовицах, на Рюриковом городище. Если в Поднепровье находки сложносоставных луков сделаны в курганах с многочисленным инвентарем, то в Тимеревском могильнике ряд погребений можно отнести к малоинвентарным погребениям.

городище, которое, безусловно, являлось местом пребывания княжеской дружины.

Было бы соблазнительно увидеть в рассматриваемых находках второй — третьей четверти X в. отражение реальных исторических событий, которые связаны с военно-политическими контактами русов и кочевников. Так, например, в походе князя Игоря на Византию в 944 г. его союзниками выступали печенеги. Иоанн Скилица и Лев Диакон утверждали, что союзниками князя Святослава во время военной кампании против Болгарии и Византии вместе с печенегами были венгры-*гунны* (Лев Диакон: 58–59, 201). Вполне вероятно, что многочисленные характерные фрагменты поясных и уздечных наборов, предметы вооружения, некоторые детали снаряжения всадника и некоторые типы украшений, обнаруженные археологами на ранних древнерусских памятниках, подтверждают версию русско-венгерского союза во второй половине X в.²⁰. Например, А. Н. Кирпичников и Г. Ф. Корзухина отмечали следы взаимных венгерско-русских контактов в орнаментации парадных сабель X в. О. А. Щеглова увидела отражение тесных связей между древнерусской и венгерской верхушкой в технологии изготовления и орнаментации знаменитых ритонов из больших «княжеских» курганов Чер-

нигова (Щеглова 1997: 246–257). До сих пор эта интереснейшая тема все еще не разработана и ждет своих исследователей.

К сожалению, Клио донесла до нас только единичные упоминания о ранних венгерско-русских связях и стерла со своих скрижалей все другие. Мы можем подвести только самый общий итог:

1. Достаточно широкое распространение сложного кочевнического лука на территории Древней Руси в X столетии;

2. Концентрация этих находок в могильниках и поселениях, связанных с ранними городами и формирующейся древнерусской верхушкой — «дружиной» (?);

3. Применение на территории Древней Руси как минимум двух типов луков — «венгерского» (по типологии «Савина — Семенова») и «печенежского» (по типологии «Савина — Семенова») или «тюркского» (по типологии И. Л. Измайлова);

4. Наиболее ранние находки деталей «венгерского» лука ограничены второй — третьей четвертью X в. (наиболее вероятно, с нашей точки зрения, середина — третья четверть X в.);

5. Появление сложносоставных луков — это часть процесса распространения в древнерусской воинской субкультуре предметов вооружения, снаряжения коня, костюма и аксессуаров, связанных с кочевнической средой;

6. Принадлежность части сложносоставных луков профессиональным воинам с высоким социальным статусом, связанным с кочевниками, или участвовавшим в военных кампаниях Святослава на Балканах и Дунае.

²⁰ С нашей точки зрения, в настоящий момент наиболее очевидно венгерское влияние на процесс распространения на территории Древней Руси кочевнического вооружения и снаряжения всадника (в том числе — сложносоставного лука и сопутствующего снаряжения конного лучника). Но несомненно, что и другие кочевые народы оказали влияние на этот процесс и оставили свой след в древнерусском комплексе вооружения X в.

Литература

- Бліфельд 1965* — Бліфельд Д. І. Древньоруський могильник в Чернігові. // Археологія. Т. XVIII. Київ. 1965.
- Бліфельд 1977* — Бліфельд Д. І. Давньоруські пам'ятки Шестовиці. Київ. 1977.
- Давидан 1966* — Давидан О. І. Староладожские изделия из кости и рога // АСГЭ. № 8. Л. 1966.
- Жарнов 1988* — Жарнов Ю. Э. Гнездовские курганы с остатками труположения // Историческая археология. Традиции и перспективы. М. 1988.
- Измайлов 1993* — Измайлов И. Л. Об одной конструкции сложносоставного лука из Волжской Болгарии. // Народы Среднего Поволжья: история, культура (секция археологии): Тез. докл. краевед. чтений. Казань. 1993.
- Измайлов 1997* — Измайлов И. Л. Вооружение и военное дело населения Волжской Булгарии X — начала XI в. Казань; Магадан. 1997.
- Измайлов 1998* — Измайлов И. Л. К истории сложносоставного лука населения Среднего Поволжья и Нижнего Прикамья конца VIII—X вв. // Культуры Евразийских степей второй половины I тысячелетия н. э. (вопросы хронологии). Самара. 1998.
- Йотов 2004* — Йотов В. Въръжението и снаряжението от българското средновековие (VII—XI век). Варна. 2004
- Каинов 1998* — Каинов С. Ю. Мечи из раскопок Гнёздова // Военная археология. Оружие и военное дело в исторической и социальной перспективе. СПб. 1998.
- Казаков 1992* — Казаков Е. П. Культура ранней Волжской Болгарии. Этапы этнокультурной истории. М. 1992
- Каргер 1958* — Каргер М. К. Древний Киев. М.; Л. 1958
- Каминский 1982* — Каминский В. Н. О конструкции лука и стрел еверокавказских аланов. // КСИА. № 170. М. 1982.
- Кирпичников 1966* — Кирпичников А. Н. Древнерусское оружие. Вып. 1. Мечи и сабли // САИ. Е1—36. М.; Л. 1966.
- Кирпичников 1977* — Кирпичников А. Н. Вооружение воинов Киевской державы в свете русско-скандинавских контактов // Скандинавский сборник. № XXII. Таллин. 1977.
- Кирпичников, Медведев 1985* — Кирпичников А. Н., Медведев А. Ф. Вооружение // Археология СССР. Древняя Русь. Город, замок, село. М. 1985.
- Коваленко, Моця, Ситий, Скороход 2008* — Коваленко В., Моця О., Ситий Ю., Скороход В. Дослідження шестовицького Подолу // Стародавній Шскоростень і слов'янські гради. Т. І. Коростень. 2008.
- Крыганов 1996* — Крыганов А. В. Налучья и их ношение раннесредневековыми кочевниками Евразии // Культуры Евразийских степей второй половины I тысячелетия н. э. Самара. 1996.

- Круглов 2005a* — Круглов Е. В. Сложносоставные луки Восточной Европы хазарского времени // Тр. ГИМ. № 145. М. 2005.
- Круглов 2005b* — Круглов Е. В. Сложносоставные луки Восточной Европы раннего средневековья // Степи Восточной Европы в эпоху раннего средневековья. Том V. Хазарское время. Донецк. 2005.
- Кубарев 2005* — Кубарев Г. В. Культура древних тюрок Алтая. По материалам погребальных памятников. Новосибирск. 2005.
- Кузнецов 1968* — Кузнецов В. А. Змейский катакомбный могильник // Материалы по археологии и древней истории Северной Осетии. Вып. 3. Орджоникидзе. 1968.
- Лев Диакон* — Лев Диакон История. М. 1988.
- Литвинский 1966* — Литвинский Б. А. Сложносоставной лук в древней Средней Азии. // СА. № 4. 1966.
- Медведев 1966* — Медведев А. Ф. Ручное метательное оружие (лук и стрелы, самострел) VIII–XIV вв. // САИ. Е1–36. М. 1966
- Мурашева, Енисосова, Фетисов 2007* — Мурашева В. В., Енисосова Н. В., Фетисов А. А. Кузнечно-ювелирная мастерская пойменной части Гнездовского поселения // Гнездово. Результаты комплексных исследования памятника. М. 2007.
- Недошивина 1991* — Недошивина Н. Г. Предметы вооружения, снаряжения всадника и верхового коня тимеровского могильника // Материалы по средневековой археологии Северо-Восточной Руси. М. 1991.
- Носов, Михайлов, Дорофеева, Янссон 2000* — Носов Е. Н., Михайлов К. А., Дорофеева Т. С., Янссон И. Итоги изучения Рюрикова городища в 1999 г. // Новгород и Новгородская земля: история и археология. Вып. 14. Великий Новгород. 2000.
- Носов, Горюнова, Плохов 2005* — Носов Е. Н., Горюнова В. М., Плохов А. В. Городище под Новгородом и поселения Северного Приильмья (Новые материалы и исследования). СПб. 2005.
- Петерсен 2005* — Петерсен Я. Норвежские мечи эпохи викингов. СПб. 2005.
- Рыбаков 1949* — Рыбаков Б. А. Древности Чернигова // МИА. № 11. М. 1949.
- Савин, Семенов 1989* — Савин А. М., Семенов А. И. К типологии раннесредневековых луков Прикубанья // 1-я Кубанская археологическая конференция. Краснодар. 1989.
- Савин, Семенов 1990* — Савин А. М., Семенов А. И. К реконструкции лука хазарского времени // Проблемы исследования памятников археологии Северского Донца. Луганск. 1990.
- Савин, Семенов 1991* — Савин А. М., Семенов А. И. Две обкладки луков раннеболгарского периода // Болгаристика в системе общественных наук. Харьков. 1991
- Савин, Семенов 1992a* — Савин А. М., Семенов А. И. Кудергинские лучники // Проблемы сохранения, изучения и использования памятников археологии. Материалы конференции. Горно-Алтайск. 1992.

Савин, Семенов 1992б — Савин А. М., Семенов А. И. Средневековый лук из находки на р. Гогопс (по материалам архива М. П. Грязнова) // Северная Евразия от древности до средневековья. К 90-летию со дня рождения Михаила Петровича Грязнова. СПб. 1992.

Савин, Семенов 1992в — Савин А. М., Семенов А. И. Реконструкция шестовицкого лука // Архітектурни та археологічні старожитності Чернігівщини. Чернігів. 1992.

Савин, Семенов 1995 — Савин А. М., Семенов А. И. К методике изучения и публикации средневековых кочевнических луков // Культуры степей Евразии второй половины I тысячелетия н. э. Самара. 1995.

Савин, Семенов 1997 — Савин А. М., Семенов А. И. Забытые, неопознанные и незамеченные луки гунно-болгарского типа // Проблемы истории и археологии Украины. Харьков. 1997.

Савин, Семенов 1998 — Савин А. М., Семенов А. И. О центрально-азиатских истоках лука хазарского типа. // Военная археология. Оружие и военное дело в исторической и социальной перспективе. СПб. 1998.

Савин, Семенов 1999 — Савин А. М., Семенов А. И. Лук хазарского времени из могильника Керчик, курган 27 // Труды Новочеркасской археологической экспедиции. Вып. 4. Азов. 1999.

Савинов 1981 — Савинов Д. Г. Новые материалы по истории сложного лука и некоторые вопросы его эволюции в Южной Сибири // Военное дело древних племен Сибири и Центральной Азии. Новосибирск. 1981.

Семенов 1996 — Семенов А. И. Луки Верхнего Чирюрта: проблемы культурной атрибуции // Актуальные проблемы археологии Северного Кавказа (XIX Крупновские чтения). М. 1996.

Снорри Стурлуссон — Стурлуссон Снорри. Круг Земной. М. 1980.

Флерова 2000 — Флерова В. Е. Костяные детали луков, колчанов и налучий Белой Вежи. // Степи Европы в эпоху средневековья. Т. I. Донецк. 2000.

Флерова 2001 — Флерова В. Е. Резная кость Юго-Востока Европы IX–XII веков: искусство и ремесло. По материалам Саркела-Белой Вежи из коллекций Гос. Эрмитажа. СПб. 2001.

Хазанов 1966 — Хазанов А. М. Сложные луки евразийских степей и Ирана в скифо-сарматскую эпоху. // Материальная культура народов Средней Азии и Казахстана. М. 1966.

Хазанов 1971 — Хазанов А. М. Очерки военного дела сарматов. М. 1971.

Худяков 1980 — Худяков Ю. С. Вооружение енисейских кыргызов. Новосибирск. 1980.

Худяков 1986 — Худяков Ю. С. Вооружение средневековых кочевников Южной Сибири и Центральной Азии. Новосибирск. 1986.

Худяков 1991 — Худяков Ю. С. Вооружение центральноазиатских кочевников в эпоху раннего и развитого средневековья. Новосибирск. 1991.

- Худяков 1993 — Худяков Ю. С. Эволюция сложносоставного лука у кочевников Центральной Азии // Военное дело Юга Сибири и Дальнего Востока. Новосибирск, 1993.
- Худяков 1997 — Худяков Ю. С. Вооружение кочевников Южной Сибири и Центральной Азии в эпоху развитого средневековья. Новосибирск. 1997
- Черненко 2007 — Черненко О. Археологічна колекція Чернігівського історичного музею імені В. В. Тарновського (1896–1848 рр.). Чернігів. 2007
- Черных 1996 — Черных Н. Б. Дендрохронология и археология. М., 1996.
- Щеглова 1997 — Щеглова О. А. О возможном прототипе изображений на оковке большого рога из Черной могилы // Stratum + Петербургский археологический вестник. СПб.; Кишинев. 1997.
- The Ancient Hungarians* 1996 — *The Ancient Hungarians. Exhibition catalogue* (Ed by I. Fodor). Budapest. 1996.
- Arbman 1943 — Arbman H. Birka I. Die Gräber. Text. Stockholm. 1943.
- Jansson 1991 — Jansson I. 970/ 971 AD and the chronology of the Viking Age. Mammen. Grav, kunst og samfund i vikingetid // Viborg Stiftsmuseums rkke. Bd. 1. Jysk Arkæologisk Selskabs Skrifter. Bd. 28. Højbjerg. 1991
- László 1955 — László G. A kenézlői honfoglaláskori íjtegez.[The Conquest period bow case from Kenézlői] // Folia Archaeologica 7. Budapest. 1955.
- Lundström 2006 — Lundström F. Det vikingatida bågskyttet I Birka — ett exempel på en framstående stridskonst med främmande inslag // CD-uppsats I laboretiv arkeologi 2005/ 2006 Arkeologiska forskningslaboratoriet Stockholms universitet. Stockholm. 2006
- Movtjan 2004 — Movtjan I. I. Royal guard grave in Kiev (Väringagrav I Kiev) // Historiska Nyheter. Specialnummer om Olga & Ingegerd. Statens Historiska Museum 2004–2005. Stockholm. 2004.
- Révész 1985 — Révész L. Adatok a honfoglaláskori tegez szerkezetéhez [Angaben zum Bau des Köchers der Zeit der ungarischen landnahme] // Acta Antiqua et Archaeologica. Suppl V. Szeged. 1985.
- Révész 1992 — Révész L. Die bereichschafts-bogenhalter (gorythos) in den grabern der Ungarischen Landnahmezeit // Acta Archaeologica Academiae Scientiarum Hungaricae. 44. Budapest. 1992.
- Müller-Wille 1976 — Müller-Wille M. Das Bootkammergrab von Haithaby // Berichte über die Ausgrabungen in Haithaby. B. 8. Neumünster. 1976
- Sebestyén 1930 — Sebestyén Cs. Rejtélyes csontok népvándorláskori sírokban // Dolgozatok A. M. Kir.Ferencz-József — Tudományegyetem Archaeologiai Intézetétéből. Szeged. 1930.
- Sebestyén 1932 — Sebestyén Cs. «A sagittis Hungarorum...». A magyarok íjja és nyila [Bogen und Pfeil der alten Ungarn] // Dolgozatok A. M. Kir.Ferencz-József — Tudományegyetem Archaeologiai Intézetétéből. Szeged. 1932.

FINDS OF PARTS OF COMPOSITE BOWS IN THE TERRITORY OF ANCIENT RUS AND THEIR CULTURAL ATTRIBUTION

S. Yu. Kainov & K. A. Mikhaylov

This paper is concerned with the problem of the appearance and distribution of the traditional nomadic weapon — composite bow — in Ancient Rus. The authors have summarized evidence on sixteenth complexes with new finds of composite bows at the most ancient Russian sites. The preserved mounts of the bows enable us to reconstruct the technology of assembling bows of various types. The article also summarizes evidence on the characteristic items of the equipment of eastern archers which constituted a single set with a composite bow: bowcases for keeping the bows and quivers. The results of the studies conducted have drawn the authors to the conclusion about the wide distribution of complex nomadic bows throughout Ancient Rus in the 10th century. The outmost concentrations of the finds have proved to be related with early towns and the culture of the raising Ancient-Russian elite — “*druzhinas*”. In the present study, the use of two types of bows in Rus — the “Hungarian” and the “Pechenegian” (“Turkish”) ones — has been established. Among the Ancient-Russian finds, bows of the “Hungarian” type hold a prominent place. The most ancient finds are dated to the third quarter of the 10th century. The appearance of composite bows was part of the process of distribution of items of armament, horse-gear, costume and accessories connected with the nomads of Eastern Europe among the Ancient-Russian military subculture. Some of the finds come from rich funerary complexes which belonged to professional warriors of a high social status who may have been participating in the war campaigns of Prince Svyatoslav at the Balkans and on the Danube.